Автор: Баева Л. (Россия)

Ценности формируют своеобразие каждой новой эпохи, а эпоха вызывает к жизни все новые ценности. Это взаимовлияние имеет принципиальный характер и показывает, насколько человек зависим от объективных условий или сам преобразует их. Информационный мир, в который вступило человечество (развитие страны), отличается появлением новых ценностных установок, приоритетов, реализация которых способна вызвать коренные перемены как в обществе, так и в самом человеке. Целью нашего исследования является создание аксиологической концепции современного информационного общества, что имеет особое значение в условиях информатизации и прагматизации социально-политической жизни, технократизации культуры, монополизации экономической сферы. Данная статья посвящена исследованию ценностных трансформаций, происходящих в современном обществе; в ней проводится анализ феноменов молодежной субкультуры (блогов, чатов, форумов и др.), ценностных ориентиров эпохи, так называемых «продвинутых пользователей», анализируются специфические черты «неклассической» аксиоферы современности.

Информационное общество в качестве главного приоритета утверждает знание, информацию, позволяющую наиболее эффективно развивать отрасли экономики, управлять социальными группами, решать глобальные проблемы. Однако информационное общество породило и целый ряд новых зависимостей, несвобод, опасных феноменов, действующих деструктивно на личность, жизнь, свободу, безопасность. Нынешняя эпоха требует пристального внимания, и анализ ценностных приоритетов ее представителей позволяет понять не только возможности и проблемы настоящего, но и заглянуть в будущее. Ведь именно ценности являются своеобразными «проектами будущего в настоящем», указателями, в каком направлении возможно развитие, поскольку они являются выражением смысло-значимого, должного образа.

Эпоха рубежа тысячелетий оказалась временем трансформации ведущих ориентиров саморазвития цивилизации. Состояние постмодерна называют новой эпохой «переоценки ценностей» и периодом их безостановочной смены. Современные исследователи оказались единодушны в признании качественно новых особенностей, присущих глобализирующемуся, постнеклассическому, постмодернистическому, постиндустриальному, технотронному «обществу обслуживания» или «обществу знаний». В чем же сущность современной ценностной эволюции? В каком направлении изменяются ценности личности и общества, каковы возможные последствия этих перемен?

Для ответа на эти вопросы обратимся к анализу ценностей современного поколения молодежи, формирующей мировоззрение новой эпохи. Эмпирическим обоснованием при изучении данной проблемы выступают результаты социологических исследований, позволяющих выявить ценностные приоритеты молодежи и сделать выводы о характере

современной эпохи с позиции аксиологического видения.

Наиболее заметны происходящие значительные перемены в ценностной иерархии, вызванные новыми экономическими, социальными, духовными реалиями. Переход развитых государств на стадию информационного постиндустриального общества вызвал изменения в характере труда. Доля занятых в с/х и промышленном производстве сократилась, постепенно исчезают границы между рабочим и свободным временем. Это приводит к изменению стиля жизни и ценностей. Значительно увеличившееся свободное время способствует развитию индустрии туризма, отдыха, развлечений. Как следствие этого — изменения в системе ценностей. Современная аксиологическая картина отличается повышением роли витальных и материальных, гедонистических ценностей и, соответственно, снижением статуса ценностей духовных (за исключением когнитивных), общественных, нравственных, эстетических. Забота о здоровье, безопасности, условиях жизнеобеспечения, стремление к самореализации, самораскрытию становятся для большинства индивидов важнейшими направлениями активности. При этом забота распространяется главным образом на собственную жизнь и здоровье, в то время как ценность жизни Другого, природы в целом не имеют определяющего значения, что способствует общей дегуманизации. Это подтверждают социологические исследования, изучающие «направленность личности» современной молодежи. Так, респонденты — студенты вузов разделились на три группы («модели личности»): «альтруисты» — сознательно ориентирующиеся на благо общества, коллектива, других людей составили 25%; «конформисты» — сознательно или бессознательно следующие нормам, традициям общества, — 20%; «эгоисты» — сознательно ориентирующиеся на удовлетворение собственных желаний, амбиций, личный успех — 55% [10, с. 115-124]. При этом большинство респондентов «заявили о своей аполитичности, о недоверии к политике и политиканству, о разочаровании в демократических идеалах» [10, с. 119]. Исследование базовых, определяющих ценностных ориентиров молодежи показывает, что таковыми респонденты называют: «здоровье» — 72%, «безопасность» — 60%, «достаток» — 50%, «любовь» — 34%, «внимание к людям» — 31%, «вера» — 20% [9, с. 166-184]. Анализ ценностной динамики молодежи (студентов вузов, колледжей) Астраханской области свидетельствует о том, что в обществе прослеживается ориентация на индивидуалистические ценности: любовь, семья, удовольствие, комфорт. По результатам проведенного Комитетом Молодежи Астраханской области социологического исследования наиболее важными для молодежи являлись: «получение образования и профессии» (20,2%), «деньги» (20%), «деловая карьера» (19%), «семья» (7%) [12, с. 30]. Можно констатировать, что в условиях кризиса макросоциума молодые люди стараются укрепить очаг стабильности — «микросоциум». Характерно, что при этом большинство молодых респондентов «относятся спокойно» к таким способам достижения жизненного успеха, как «занять должность, где можно брать крупные взятки» — 45,6%, «открывать собственное дело и не платить налоги» — 39,4%, «стать общественным деятелем и извлекать из этого личную выгоду» — 39,6%, «взять то, что плохо лежит» — 31,4%, «вступить в брак по расчету» — 61,8%, «украсть крупную сумму денег» — 20%, «вступить в физическую близость за плату» — 32% [12, с. 31]. Таким образом, нравственные ценности уступают стремлению к материальному достатку и комфорту, а эгоцентрические приоритеты доминируют над общественными.

Эти данные показывают преобладание витальных ценностей, что, с одной стороны, свидетельствует о значительных проблемах в сфере жизнеобеспечения (высокая смертность, рост количества и качества заболеваний, экологическая и военная опасность, преступность, терроризм, негарантированность права на жизнь и свободу), а, с другой, — о незначительном уровне духовно-нравственного развития человека современного общества потребления.

Своеобразие информационной эпохи связано с появлением новых феноменов виртуальной сферы. Эта сфера быстро завоевала лидирующее место среди экономической, социальной, культурной, мистической и иных сфер, в которых традиционно субъект обретал свои ценности. Виртуальные развлечения, досуг в форме просмотра телевизора, видео, компьютерные игры, общение в чатах, блуждания в Интернете, смс-переписка и т.д. — все это породило потребности и ценности нового рода. Современный, «продвинутый» человек получил небывалую свободу и возможности, многократно умножил скорость и объем общения, открыл для себя лавины информации, реализовал возможность управления различного рода системами, не выходя из комнаты, позволил себе совмещение различных видов деятельности одновременно. Новый мир оказался приближающим нас к состоянию сверхчеловека. При этом появились и новые ценностные ориентиры. Прежде всего, следует отметить формирование ценности самого «вирта» — мира виртуальных возможностей и форм. Для многих геймеров (игроманов) виртуальная реальность более интересна и предпочтительна, чем мир реальный. Для тех, кто в большей степени остается связанным с миром бизнеса, поглощен работой, общением, виртуальный отдых оказывается предпочтительной формой ухода из реальности, полной проблем и неприятностей. Ускорение темпов развития техники, технологии, увеличение информационных потоков — все это делает жизнь современного рабочего, служащего или интеллигента более сложной и ответственной. Автоматизация и информатизация труда, внедрение инноваций в науку и практику не только не облегчают или упрощают жизнь, но, напротив, увеличивают нагрузку на человека, которому необходимо постоянное повышение своей квалификации, расширение поля деятельности, увеличение навыков и компетенций. Вирт дает возможность ощутить себя в новой реальности, где известны правила игры, все контролируется самим субъектом, всегда остается возможность начать все с начала. Виртуальный мир позволяет возобновить желаемый эпизод (состояние) вновь и вновь, давая человеку своеобразную власть над временем. Виртуальные возможности постепенно оказываются ценнее реальных: человек готов заплатить значительные средства за то, чем он никогда не воспользуется, но потенциально «может, если захочет». Покупка автомобиля со скоростью, которую может развить только гонщик на специальных треках, телефона с массой опций, которые не нужны обывателю, компьютера с возможностями, не доступными простому пользователю — все это дает иллюзию свободы, могущества, ведет к росту социального статуса и самооценки. Виртуальные возможности реализуются в новых аспектах, играя не целевую, а инструментальную роль. Виртуальный мир при этом может и удалять человека от реальности, разрушая его актуальное бытие.

Особенностью виртуального мира является его аутичность — концентрированность на одном участнике, который может получать самые различные удовольствия, избегая

коммуникации, не будучи зависимым от других. Это дает большую свободу, но одновременно ведет к утрате возможности полноценного общения, за исключением «передачи информации». Виртуальное пространство становится нередко предпочитаемым миром, делаясь не только временной средой обитания, а способом борьбы с настоящим, приводящим к отчуждению от семьи, реального дела, долга.

Уход в свой виртуальный мир для геймера или потребителя кинопродукции отличается от гиперкоммуникации любителя чатов, блогов, форумов и проч. Для многих подростков и молодых людей виртуальное пространство — важнейшая среда для взаимодействия, которая позволяет войти в контакт с Другим, при этом оставаясь скрытым от внимания. Это упрощает знакомство, общение, налаживание контактов, дружбу и даже любовь, когда участники виртуальных отношений могут не видеть друг друга и скрыть нежелательные слабости и комплексы. Откровенность, которая трудно дается в реальном диалоге, оказывается возможной в личном дневнике (блоге), написанным с расчетом на отклик и понимание кого-то далекого и незнакомого. Анализ молодежных блогов, форумов показывает, что такое общение позволяет им найти поддержку, понимание, привлечь интерес к своей личности, хотя многие понимают, что в такой форме общения много искусственного. Блоги создаются с расчетом на аудиторию и предполагают эпатаж, стремление произвести впечатление.

Например, в одном из таких дневников мы читаем: «Интересно, как отнесутся ко мне люди, если узнают, что 4 ценности в моей жизни это: нигилизм, цинизм, сарказм и оргазм? Точно не знаю, как отнеслись бы ко мне, но зато с уверенностью могу сказать, как я отношусь к подобным людям... Ибо в данный момент я беседую с одним из них. Они притягивают к себе, как магнит. В одно время ты их ненавидишь, и в то же время ты ими восхищаешься. Они настолько тщеславны, что это будоражит твою кровь. Ты сразу понимаешь, что ты — не «такой», но быть «таким» тебе очень хотелось бы. Это просто другой уровень, не твой. Не лучше и не хуже. Просто — не твой и все...» (http://blogs.mail.ru/mail/annybraun/9502D5A7E67BAC7.html)

Очевидно, автор хочет обладать указанным магнетизмом, восхищать аудиторию смелостью и «новизной идей». Возможно, в реальности он далек от изображаемого имиджа, но это невозможно проверить и уже не суть важно. Человек все время играет, создает себя, управляет достоинствами и недостатками по своему свободному желанию. Другие имеют дело с этим Образом, но не с самой личностью. Состояние игры позитивно с одной стороны и негативно — с другой. Играющий учится тому, что он моделирует, изображает, но он не несет ответственности за свою игру, поскольку она ненастоящая.

Виртуальный мир и информатизация личного бытия, несмотря на усилившуюся коммуникацию, в то же время не способствует более глубокому, эффективному, чем раньше, решению экзистенциальных проблем (одиночества, страха, тоски, беспокойства, неуверенности).

Для современной молодежи в значительной степени свойственна ценностная нестабильность, неустойчивость личного существования и жизни в целом. Как

следствие, это приводит к повышению значимости частного, случайного, сиюминутного, индивидуального. Причина этого — хроническое состояние кризиса, в котором пребывает современный человек. По мнению экзистенциалистов, переживание «пограничной» ситуации, внезапно ставящей индивида на грань смерти, испытывается как откровение, способное изменить восприятие и оценивание мира и самого себя. Прежде всего, речь идет о состоянии постоянной угрозы жизни и развитию человечества, бессознательное и осознанное переживание которой определило особенности современной ценностной ситуации. Устойчивость кризиса и «фактора Апокалипсиса», становясь обыденными в сознании людей, коренным образом меняют их ценности и цели. Сегодня всеобщая «пограничная ситуация» становится естественным условием развития современного человека, что формирует негативные оценки настоящего. Человечество оказалось на грани физического самоуничтожения, ухудшения социально-экономической ситуации, неуправляемого технического прогресса. Постоянное балансирование общества на грани хаоса и смерти, непредсказуемость, граничащая с абсурдом, стали повседневностью, вызывающей пренебрежение к будущему, состояние, где понятие «забота» все чаще заменяется понятием «надежда». Человек не стремится к заботе о Другом в пространстве и во времени, он надеется, что все обойдется «как-нибудь само собой». Ориентир на настоящее сужается от собственной жизни до отдельного сегодняшнего дня. Темп и динамика жизнедеятельности не позволяют охватить ее мыслью как целостность. Непредсказуемость усиливается политической нестабильностью, военным противостоянием цивилизаций, развитием безоценочной науки, для которой не существует моральных запретов и табу.

Социально-политическая и материальная нестабильность своеобразно влияют и на мировоззрение современной молодежи. Так, социологическое исследование ценностей молодежи, проведенное в г. Тольятти, показывает, что трудности современной жизни вызывают «надежды на лучшее» у 44,8% (47,6%) респондентов — мужчин и женщин соответственно, оцениваются как «нормальное явление и не вызывают никаких чувств» — у 22,0% (10,0%) респондентов [8, с. 73 78]. Можно заметить, что мужчины оказываются более адаптированными к постоянным переменам и «устойчивому кризису» современности, в то время как девушки, в большей степени тяготеющие к традиционным ценностям и отношениям, испытывают большую тревожность и дискомфорт. Самоидентификация респондентов показала, что главными определениями современной молодежи становаятся: «поколение надежд» — 34,9%, «агрессивность» — 25,5% (17,5%), «прагматизм» — 8% (10,5%), что свидетельствует о неустойчивости ценностей, их устремленности в будущее, неудовлетворенности настоящим, критичности в отношении традиционных приоритетов, бездуховном характере жизнедеятельности [8, с. 73-78].

По сведениям Комитета молодежи Астраханской области, систематизирующего количество проблемных обращений на Телефон Доверия для подростков и молодежи за период 1996-2000 гг., к основным проблемам, вызывающим наибольшую обеспокоенность, относятся следующие: «любовные отношения» — 40%, «проблемы принятия себя как личности» — 12%, «алкогольная и наркотическая зависимость» — 15%, «отношения со сверстниками» — 10%, «супружеские проблемы» — 8%,

«сексуальные проблемы» — 9%, «отношения с родителями» — 5%, «суициды» — 4% [12, с. 37].

Помимо личных проблем на мировоззрение и ценностные ориентиры значительное влияние оказывает неблагоприятная демографическая, социальная, экономическая ситуация в целом: превышение смертности над рождаемостью (по данным Астраханской области за 1996-2000 — в 1,4 раза, по данным Санкт-Петербурга — в 2,6 раза), увеличение числа разводов (на 12%), рост преступности (в 3 раза), бедность, ухудшение здоровья, наркомания, алкоголизм, в том числе среди подростков (выборочные эпидемиологические исследования среди школьников показали, что к 13 годам 40-50%, а к 16 годам — 70-85% приобщаются к приему алкоголя, 2-5% пробуют наркотики, 15-30% психоактивные вещества), усиление социального неравенства, рост безработицы [12, с. 15-16].

Анализ приведенных данных позволяет заключить, что состояние «хронического кризиса», переживаемое современной молодежью, способствует дестабилизации ценностной системы, неудовлетворенности настоящим, утрате доверия к государству и институтам власти, усилению суицидальных, апокалептических настроений, росту девиантности поведения.

Эти явления в свою очередь приводят к своеобразной «болезни перемен», стремлению к постоянному обновлению условий жизни и окружению человека, что в конечном счете приводит к «бегству от реальности» [15]. Проблема ускорения темпов развития впервые была сформулирована еще в 70е годы в трудах западных футурологов. А. Тоффлер назвал общество будущего пораженным «болезнью перемен», подчеркивая, что его главной характеристикой становится поверхностное восприятие реальности, отношение к ней как к временной, не имеющей значимости. Этот прогноз полностью оправдал себя и превзошел все мыслимые ожидания. Постоянная перемена внешних условий существования, значительная миграция населения (как внешняя, так и внутренняя) в направлении более благополучных мест жизни приводят к окончательному разрыву с собственными корнями, домом. Укорененность преодолевается стремлением к постоянному качественному росту. Но потеря собственных «корней» — это не только свобода и необусловленность, но и утрата питательной среды, дававшей человеку основание для любви и заботы о мире. «Неукоренненное» состояние личности, для которой дом, работа, семья становятся изменчивыми, сменяющимися факторами, способствует использованию внутренней энергии индивида в нематериальной сфере, которая все больше будет восприниматься не как обслуживающая, а как первостепенная. Опасным в этой ситуации может оказаться не разрыв с бытом и привычными вещами, а отрицание значимости связи с окружающими людьми. Современный человек не избегает контактов и общения, напротив, он очень коммуникативен и постоянно меняет друзей и знакомых. Это означает и коренные перемены и в себе самом. Так, опрос участников молодежных «тусовок» в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов России показал, что 70% молодых людей постоянно испытывают чувство одиночества, более чем у половины опрошенных возникали мысли о самоубийстве, в целом же по стране среди самоубийц люди до 29 лет составляют 28%, а среди тех, кто пытался покончить собой, — 37% [1, с.

219]. Отрицание ценности Другого неизбежно приводит к самораспаду и деградации. Замкнутость на собственной личности вызывает предел саморазвития, так как духовная жизнь не находит выхода, трансценденции и обогащения. Вариантами развития такой ситуации может быть деградация духовности на фоне роста физического и интеллектуального развития или укрепление стремления к высшим надиндивидуальным силам, предполагающим актуализацию духа и трансцендирование. Исходя из этого, выстроится и новая дифференциация общества, основанием которой будет не отношение к собственности или коммуникативность, а отношение к реальности и ее оценка.

Негативная оценка реальности неизбежно приводит к стремлению «бегства» от нее; для низко развитой в интеллектуально-нравственном отношении личности формами этого могут быть алкоголь, наркотики, виртуальные игры, в крайнем варианте — суицид, для высокоразвитой личности — религия, мистицизм, виртуальное творчество и общение, экстремальные развлечения. «Бегство от реальности» чаще всего выступает в формах вытеснения рационального, осознанного, антиномичного восприятия мира в направлении к бессознательному, эмоциональному или мистическому целостному «простому» (неразделенному на противоположности) видению. Нисходящий вариант «бегства» способствует утрате личности и ее примитивизации, восходящий вариант интенсифицирует интуитивные способности, обогащает духовную жизнь, но также тяготеет к отрицанию личностного начала. Причинами «бегства от реальности», по нашему мнению, выступают: острота социально-экономических, экологических, политических проблем, ухудшение здоровья, материального положения большинства граждан; неустойчивость жизни, постоянные перемены, к которым сложно адаптироваться человеку консервативного или нетворческого типа; отсутствие общественной «идеи», цели, ради которой стоило бы жить и трудиться; бездуховная коммуникация — общение на уровне «передачи информации», вместо дружбы — «совместное проведение времени», «тусовки», вместо любви — секс, вместо семьи — «необязывающие отношения», череда партнеров; высокий уровень потребления внешних благ, стремление к обладанию, которое никогда не может быть удовлетворенным, вследствие чего — неудовлетворенность миром, окружающими и собой; яркость, насыщенность, экстремальность наркотического, виртуального, мистического переживания, несравнимых с восприятием окружающей повседневности. Перечисление причин можно было бы продолжить, тем более что их количество растет день ото дня. В то же время «бегство от реальности» характерно не для всей молодежи, значительная ее часть удовлетворена настоящим, динамикой перемен, широтой открывающихся возможностей для творчества и активности.

Информационное общество порождает и ряд позитивных ценностных сдвигов, значительная часть общества демонстрирует повышение ценности знания, образования, информации. Особенностью современной эпохи является своего рода «умножение реальности» — коренные изменения представлений о скорости, времени, формах существования и развития. Общество все более явно разделяется на тех, кто сумел адаптироваться к сверхускорению темпов развития и тех, для кого это оказалось невозможным. Первые способны к восприятию и использованию большого объема информации, отличаются уверенностью и ясным видением цели. Вторые пребывают в

постоянной прострации, живут, не замечая меняющегося мира, блокируя его в сознании. Цели и смыслы для них не имеют значимости, существование лишено духовных ориентиров. Современное поколение молодежи неравномерно развивается в двух направлениях: значительная часть видит главным содержанием жизни потребление и обнаруживает духовную деградацию, другая часть устремлена к получению знаний самого высокого качества, поскольку осознает, что будущее цивилизации связано с развитием информации. Состояние перемен и роста информации не шокирует их, а способствует интенсификации интеллектуального роста.

Исследования социологами современной ценностной ситуации свидетельствует о повышении ценности знания, образования, связанными как с прагматическими, так и со смысложизненными мотивациями. В частности, анализ динамики жизненных стратегий студенчества Москвы показывает, что целью образования 58% респондентов (МГУ) называют успех в жизни, 55% — «стать культурным и высокообразованным человеком» и 32% — материальную обеспеченность [11, с. 55-61]. Роль знания и образования повышается, с одной стороны, в связи с вступлением общества в информационную эпоху, а с другой — в связи с прагматизацией мировоззрения «общества потребления».

В то же время отношение молодежи к образованию как к приоритетной деятельности неоднозначно. Социологические опросы старшеклассников и студентов Астрахани показали: за получение высшего образования высказались 83% старшеклассников и 58% студентов. Если для 24% старшеклассников самым важным является получение образования, то в студенческой среде этот показатель только 14% (более важными ценностями, по мнению студентов, являются деньги — 20%, удовольствия — 20%, карьера — 26%) [7, с. 84]. Это свидетельствует о том, что студенты считают эту проблему отчасти уже решенной и переносят основные ориентиры активности на другие сферы. О высоком ценностном статусе образования свидетельствует рост количества вузов, высокий конкурс в аспирантурах, рост численности специалистов, окончивших несколько вузов, широкая сеть учреждений дополнительного образования. В то же время особенностью ценности знания, образования сегодня является прагматизм и практическая направленность.

Развитие ценности знания связано с противоречивым процессом кризиса рациональности, с одной стороны, и усиливающейся технократизацией, — с другой. Иррационализация знания выражается в признании множества «миров», форм реальности, игнорировании прогресса, универсальности мира и познания, стремлении к интуитивным, недуальным, невербальным вариантам постижения «множественной», «фрагментарной» действительности. Технократизация выступает как стремление «реабилитации» рациональности, незаменимой в условиях информационного общества. Она проявляется в наступлении на гуманитарное знание, что особенно остро затрагивает сферу образования. Последствиями технократического видения мира становятся пренебрежение к природе, живому в целом, духовная «некрофилия» (термин Э. Фромма), эгоцентризм, «нарциссизм» (З. Фрейд, Э. Фромм), механицизм в понимании человека и общества, унифицированность, потеря индивидуальности, нивелирование культурного своеобразия.

Технократичность мышления порождает утилитаризм в ценностном сознании, приоритетами становятся феномены, ведущие к успеху, пользе, прибыли, практической полезности. Информатизация и технократизация оказываются взаимодополняющими друг друга процессами, зависимость человека от техники усиливается по мере включения его в информационное пространство.

Личность оказывается потерявшей свои важнейшие основания: вместе с ценностями Бога, социума, Другого исчезла и ценность человека для мира, с одной стороны, и в постоянной погоне за благами исчезла глубина и укорененность в мире, — с другой. Ключевыми состояниями нашей жизни становятся бег, бифуркация, альтернативность путей дальнейшего движения, неопределенность будущего, форсированные инновации, многофакторность, плюрализм. «Поток сознания» оказался ценнее логически построенных систем, субъект отвернулся от объекта, а затем потерял и себя самого. Мир не познается, а скорее «взламывается» и используется.

Поколение «продвинутых пользователей» — это не просто молодежь, способная к полномасштабной работе с современной техникой. Это характеристика и мировоззренческого характера, поскольку в ней отражается суть отношения человека к миру. Этот мир оценивается в соответствии с тем, насколько его можно использовать, «юзить» (от англ. to use). Человек меняет свою сущность: сегодня он «человек использующий, потребляющий, развлекающийся». Как «подвижный в подвижной среде» он находится в бесконечном становлении, бескачественном росте, являясь сгустком свободы, которую по-настоящему не на что потратить, кроме потребления всевозможных благ. Эпоха свободы обернулась прежде всего свободой от идеологии и морали, и сегодня важно понять, что эти понятия не имеют имманентной связанности. Сущность морали не во внешней регуляции поведения, а в самоконтроле и саморазвитии. Поэтому, стремясь от тотальности к свободе, важно не оторваться от высших ценностей, а найти их самому, утвердиться в себе как в человеке не в силу вынужденной коммуникации, идейной обработки, зомбирования, а в результате собственного роста от первичных витальных потребностей к социально-значимым и духовно-нравственным. И если раньше духовному росту мешали внешние причины в виде идеологических парадигм, принятых в обществе стереотипов поведения, то на современного человека оказывают подобное влияние иные факторы: реклама эгоцентрического образа жизни, возведенное в культ наслаждение, виртуальная зависимость, потеря связи с традицией.

Представители нового поколения, которое называют «Generation-X», «дети Индиго» и т.д., выбирают независимость от социума, либо погружаясь в созданный ими мир «вирта», либо объединяясь в различные сообщества типа underground, либо намеренно держатся в тени, пытаясь спрятаться, затеряться. Асоциальность и эгоцентризм становятся чертами не только бунтующих подростков, но и инфантильных молодых людей, ставших заложниками сытого общества потребления. По словам автора одного из ярких бестселлеров 90□х годов Дугласа Коупланда, новое поколение пытается бунтовать против «бесконечного стресса, рожденного бессмысленной работой», против мира, где большинство вынужденно «глотать успокоительное и считать что поход в магазин — это уже творчество, что взятых видеофильмов достаточно для счастья» [3, с.

49].

Поворот к самому себе в данном случае оказался не связанным с нравственно-когнитивными исканиями (в духе сократовского), он обусловлен, прежде всего, витальными и гедонистическими запросами. Но эта сфера традиционно не дает человеку искомой радости и вызывает лишь иллюзию обретения смысла жизни. Поэтому, даже получив все удовольствия мира, представитель нового модерна не удовлетворен и бунтует.

Если в прошлом молодой человек стремился противостоять абсурду тоталитарного социума, нищего для большинства существования, то сегодня «Поколение-Икс» протестует против сытого стадного общества, в котором действуют самые либеральные законы за всю историю человечества.

Современная картина мира оказывается ориентированной на самоактуализацию потенциала каждого, вне давления бытия или вопреки этому давлению. Парадоксом современной ситуации является усиление множественности, повышение роли единичного, личностного на фоне разворачивающейся интеграции форм жизнедеятельности, глобализации информации, экономики и культуры. Эта антиномичность составляет главное своеобразие новой мировоззренческой атмосферы общества, стремящегося к тотальности через развитие индивидуальности и свободы. Человечество сегодня выступает не только как совокупность личностей, но как некий единый субъект ценностей, поскольку индивидуальность оказывается еще более связанной со всем социальным организмом, чем раньше. Информация, произведения творчества, научные открытия «мгновенно» обезличиваются, поскольку их создание возможно лишь при использовании общей системы знаний и культуры. Массовое, глобализирующееся общество стоит на пороге качественных перемен в мировоззрении: создания космополитических ценностей, синтезирующих множественность созданных человечеством культурных традиций, снятия трех ключевых антиномий: «Запад — Восток», «Личность — Общество», «Общество — Природа». Разрешение этих антиномий, их снятие является важнейшей задачей нового поколения, живущего в условиях свободы, плюрализма и глобального единства.

Литература

1. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
2. Истины и ценности на рубеже XX-XXI вв.: Материалы симпоз. / Отв. ред. Б.Н. Бессонов, И.З. Налетов. М.: РАН, 1992.
3. Коупленд Д. Generation-X. М.: Альтернатива, 2005.
4. Маслоу А. По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

5. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та: Нонпарель, 1995.
6. Немировский В.Г., Стариков П.А. Тенденция «квазирелигиозности» в среде Красноярского студенчества // Социс. 2003. № 10.
7. Положение молодежи в Астраханской области и государственная молодежная политика в 2004 году. Астрахань, 2005.
8. Скутнева С.В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи // Социс. 2003. № 11.
9. Смирнов Л.М. Эмпирическое изучение базовых ценностей // Мир России. № 1, 2002.
10. Соколов А.В., Щербаков О.И. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социс. 2003. № 1.
11. Сорокина И.Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // Социс. 2003. № 10.
12. Состояние и перспективы развития семейной и молодежной политики в Астраханской области. Астрахань: Комитет по делам молодежи Администрации Астраханской области, 2005.